

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

Круглый стол «Наследие кабинетов Синдзо Абэ: политика, экономика, дипломатия»

А.Н. Панов, В.В. Нелидов, Д.В. Стрельцов, В.Г. Швыдко,
А.В. Белов, И.П. Лебедева, С.В. Чугров

Аннотация. 8 июля 2022 г. во время участия в предвыборном мероприятии был застрелен бывший премьер-министр Японии Абэ Синдзо, который оставался одним из наиболее влиятельных политических лидеров страны. За полтора месяца до убийства Абэ был проведён круглый стол, посвящённый наследию кабинетов Абэ, с участием российских японоведов из нескольких университетов и исследовательских учреждений России и Японии. В ходе обсуждения был дан всесторонний анализ внешнеполитической деятельности кабинетов Абэ и прежде всего его дипломатии на российском направлении. Радикальные изменения при Абэ претерпела политика Японии в сфере военной безопасности, идеологическим оформлением которой стала концепция активного пацифизма. Из достижений Абэ во внутриполитической сфере участники круглого стола особенно отметили его умение поставить под контроль бюрократию и использовать малейшие просчёты своих политических противников, а также умелый имиджмейкинг и использование лозунгов в пропагандистских целях. Было констатировано, что провозглашённый Абэ курс абэномики сохраняет свою актуальность и сегодня, хотя некоторые промежуточные цели его введения уже достигнуты. Проанализирован проводившийся кабинетами Абэ комплекс мер, направленных на создание условий для расширения участия женщин в экономике, который получил название виномики. В заключение приводятся данные опроса студентов, посвящённые трансформации их взглядов относительно итогов Второй мировой войны под воздействием идей Абэ.

Ключевые слова: Синдзо Абэ, Стратегия национальной безопасности, правонационалистические взгляды, мирный договор, абэномика, виномика, итоги Второй мировой войны.

Авторы:

Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); главный научный сотрудник, Институт США и Канады РАН (адрес: 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3); Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес:

117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru

Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (адрес: Япония, 910-1195, Фукуи, Ёсида-гун, Эйхэйдзи-тё, Мацуока-Кэндзёдзима, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); главный редактор журнала «Полит. Политические исследования». E-mail: sergeychugrov@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Панов А.Н., Нелидов В.В., Стрельцов Д.В., Швыдко В.Г., Белов А.В., Лебедева И.П., Чугров С.В. Круглый стол «Наследие кабинетов Синдзо Абэ: политика, экономика, дипломатия» // Японские исследования. 2022. № 3. С. 105–130. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

Roundtable “The Legacy of Shinzo Abe Cabinets: Politics, Economics, Diplomacy”

A.N. Panov, V.V. Nelidov, D.V. Streltsov, V.G. Shvydko,
A.V. Belov, I.P. Lebedeva, S.V. Chugrov

Abstract. On July 8, 2022, former Japanese Prime Minister Abe Shinzō, who remained one of Japan’s most influential political leaders, was shot dead while participating in an election event. A month and a half before Abe’s assassination, a round table was held on the legacy of Abe’s cabinets with the participation of Russian Japanese studies scholars from several universities and research institutions in Russia and Japan. During the discussion, a comprehensive analysis of the foreign policy of Abe’s cabinets and, above all, his diplomacy vis-à-vis Russia was given. Japan’s military security policy underwent radical changes under Abe, with the concept of proactive pacifism being its ideological formalization. Among Abe’s achievements in the domestic political sphere, the participants of the round table especially noted his ability to control the bureaucracy and use the slightest miscalculations of his political opponents, as well as skillful image-making and the use of slogans for propaganda purposes. It was stated that the policy of ‘Abenomics’, proclaimed by Abe, remains relevant today, although some of its intermediate goals have already been achieved. The set of measures carried out by Abe’s cabinets and aimed at creating conditions for expanding women’s participation in the economy, called ‘Womenomics’, was analyzed. In conclusion, the data of a survey of Japanese students focusing on the transformation of their views on the outcome of World War II under the influence of Abe’s ideas are presented.

Keywords: Shinzō Abe, National Security Strategy, right-wing nationalist views, peace treaty, Abenomics, Womenomics, results of World War II.

Authors:

Panov Alexandr N., Doctor of Sciences (Political), Professor, Head of the Department for Diplomatic Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Chief Research Fellow, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (address: Khlebnyy per. 2/3, Moscow, 121069, Russian Federation); Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Belov Andrey V., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (address: Japan, 910-1195, Fukui, Yoshida-gun, Eihei-cho, Matsuoka-Kenjojima, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Shvydko Vitaly G., PhD (Economics), Head of the Japanese Economy and Politics Group, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7784-1655; E-mail: shvydko@imemo.ru

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Chugrov Sergey V., Doctor of Sciences (Sociology), professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); editor-in-chief, "Polis. Political Studies" Journal. E-mail: sergeychugrov@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Panov A.N., Nelidov V.V., Streltsov D.V., Shvydko V.G., Belov A.V., Lebedeva I.P., Chugrov S.V. (2022). Kruglyy stol «Naslediye kabinetov Sindzo Ab-e: politika, ekonomika, diplomatiya» [Roundtable "The Legacy of Shinzo Abe Cabinets: Politics, Economics, Diplomacy"]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 105–130. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

8 июля 2022 г. во время участия в предвыборном мероприятии в г. Нара в возрасте 67 лет был застрелен бывший премьер-министр Японии Абэ Синдзо, который оставался одним из наиболее влиятельных политических лидеров страны. Покушение на Абэ не имело политической подоплёки и было совершено психически неуравновешенным человеком, очевидно, из личной неприязни к бывшему премьеру. Это событие высветило проблему безопасности политических деятелей, которые по роду своей профессии обязаны регулярно встречаться с избирателями и потому оказываются уязвимыми в отношении попыток покушений на свою жизнь. Япония считается безопасной страной, а последний раз публичный политик, занимавший когда-либо пост премьер-министра, был убит в результате покушения в 1936 г., т.е. ещё в довоенный период.

Возглавляя с 2006 по 2007 гг. и с 2012 по 2020 гг. японское правительство и правящую Либерально-демократическую партию, Абэ получил известность как политический деятель, занимавший высший в японской политической иерархии пост главы кабинета рекордно долгий за всю историю страны срок – 8 лет и 8 месяцев. Однако дело не только в длительности этого срока, но и в результатах его бурной и кипучей деятельности. Абэ удалось существенно трансформировать японскую внешнюю политику, повысив вовлечённость Японии в решение глобальных проблем и усилив самостоятельную роль страны в региональной и мировой политике. С учётом новых вызовов и угроз были модифицированы основы государственной политики в сфере безопасности, взят курс на отказ от пацифистской конституции и превращение Японии в государство с полноценными вооружёнными силами, которые постепенно становились одним из важнейших инструментов для достижения внешнеполитических целей. Существенно улучшились в период правления кабинетов Абэ отношения с Россией, во многом благодаря политической воле и личной настойчивости японского премьера. Проводившийся в период правления Абэ курс абэномики позволил оживить японскую экономику, которая, вступив в период длительной стагнации, стремительно теряла свои позиции в мире.

Конечно, не всё, что связано с Абэ, было идеальным. Его правоконсервативные политические взгляды далеко не всегда находили безоговорочную поддержку в обществе, скорее, наоборот, они были источником его раскола. Многие начинания Абэ, например, инициатива по заключению мирного договора с Россией, остались незавершёнными. Большую критику в Японии вызывали привнесённые Абэ в японскую политическую практику авторитарные методы принятия решений, противоречащие традициям консенсуальной демократии. Однако даже оппоненты Абэ Синдзо признают величину этой политической фигуры, причём не только по японским, но и по мировым меркам.

26 мая 2022 г., за полтора месяца до убийства Абэ, в Ассоциации японоведов совместно с Центром японских, корейских и монгольских исследований МГИМО-Университета был проведён круглый стол, посвящённый наследию кабинетов Абэ, с участием российских японоведов из нескольких университетов и исследовательских учреждений России и Японии. Ниже следует стенограмма этого научного мероприятия, публикация которой призвана отдать дань памяти этому выдающемуся политическому деятелю, имя которого, бесспорно, оставит свой яркий след в истории Японии.

Стрельцов Д.В.

Дорогие коллеги, сегодня мы хотим провести семинар, посвящённый наследию Кабинета Синдзо Абэ в период 2012–2020 гг. Мы – это Ассоциация японоведов совместно с Центром японских, корейских и монгольских исследований МГИМО-Университета и при участии представителей различных академических и учебных учреждений России и японских университетов.

Наш семинар проходит почти через 2 года после окончания правления кабинетов Абэ. Прошедший с этого момента период показал, что восемь с лишним лет правления кабинетов Абэ с 2012 г. оставили заметный след в истории Японии, в её политике, экономике, дипломатии, обществе. И сейчас, уже оглядываясь назад, можно сказать, что этот период был действительно значимым. Сегодня мы собрались для того, чтобы обсудить, каковы были

последствия этого правления, что нового внесли его итоги в японскую политическую, экономическую, социальную сферу. Нам нужно провести детальное обсуждение с участием наших экспертов в различных областях современной Японии.

Панов А.Н.

Если говорить о внешней политике кабинетов Абэ, то это достаточно широкая тема. Я хотел бы выделить основные направления его деятельности на внешней арене. Прежде всего, это три направления – Америка, Китай и Россия.

С США у Абэ сначала не складывались отношения. Американцы считали его историческим ревизионистом, не доверяли ему. Пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать обратное – он добился принятия закона о том, что японские Силы самообороны могут оказывать военную поддержку США, в том числе их военно-морским силам, если те будут подвергаться нападению, осуществляя операции по защите Японии вне пределов японской территории.

Что касается отношений с Китаем, то здесь у него особо ничего не получилось. Как мы знаем, была достаточно пассивная ситуация и никаких прорывных решений не было.

Но Абэ действительно сконцентрировался на отношениях с Россией – и это не просто количество встреч с Путиным. В своём интервью, которое он дал 26 декабря прошлого года, Абэ отмечает, что было 27 встреч, 48 часов разговоров, из которых 9 часов было в формате один на один. Такого в истории наших отношений с Японией не было.

Абэ в своём интервью, которое я буду цитировать, потому что оно большое и подробно излагает его мысли, очень чётко говорит о том, что необходимость улучшить отношения с Россией диктовалась тем, что нужно было как-то купировать возрастающую угрозу Китая, его активность в юго-западных морях. Эта задача виделась ему в том плане, что, улучшая отношения с Россией, он бы купировал возможность создания сильных союзнических отношений между Россией и Китаем, направленных против Японии. И второе – это, безусловно, его стремление улучшить атмосферу в двусторонних отношениях и таким образом попытаться решить территориальный вопрос. Здесь у него очень чёткая позиция, и это коррелируется с тем, что я слышал от тех людей, которые разрабатывали его позицию по территориальному вопросу. Я не буду говорить о ней подробно, поскольку это ещё не входит в открытую тематику, но смысл состоял в том, что, как подчёркивает Абэ, он не ставил задачу решить проблему на сто процентов. Он неоднократно говорил о том, что постановка такой цели – это глупость, которая ни к чему не приведёт. Поэтому он сконцентрировался на Декларации 1956 года, тем более, как он отмечает, Путин признал эту декларацию, поэтому на этой основе Абэ и решил поднимать данную проблему и пытаться её урегулировать.

С этой целью, как отмечает Абэ, он хотел развивать прежде всего экономические отношения, в том числе с помощью японских технологий, помогать развивать Дальний Восток, как-то налаживать экономическую деятельность на Курильских островах. Здесь он замечает, что русским это было бы выгодно, но, если судить по результатам, очевидно, что в России не было достаточного осознания этой выгоды.

При этом он говорит, что План из восьми пунктов был не просто программой, по которой государство даёт деньги – нужно было привлечь бизнес. Бизнес действительно не очень хорошо, не очень активно реагировал, потому что не видел особо выгодных условий,

чтобы вкладывать деньги в России. Тем не менее, как мы знаем, японский бизнес всё-таки активизировался и вкладывал деньги: несмотря на санкции, три года назад корпорация Mitsui и ряд других компаний выделили 2 млрд долл. на развитие природного газа на Ямале.

Абэ чётко также поставил вопрос о пограничном размежевании на сингапурской встрече в ноябре 2018 г., предложив решить его на основе формулы двух островов, однако уже через несколько месяцев, 19 января 2019 г. в Москве Путин сказал ему, что так просто проблему эту не решить. Дальше начались переговоры, которые, как мы знаем, ни к чему не привели, они находились в тупике, а теперь и вовсе прекратились. Абэ и многие японцы считают, что их позиция была неправильно или нечётко понята. Может быть, это и так, но я думаю о том, что с самого начала российская сторона не была заинтересована решать вопросы на основе Декларации 1956 года, это совершенно очевидно. И когда начались эти сложные переговоры, российская сторона стала выдвигать предварительные условия, которые, как считали японцы, можно было бы и выполнить. В частности, одно из предварительных условий заключалось в том, что Япония в полном объёме должна признать итоги Второй мировой войны, в том числе в отношении этих территорий. Абэ говорил, что этот вопрос можно было бы решить.

Что касается фактора японо-американского Договора безопасности, то здесь вопрос интересный: если мы идём на переговоры по мирному договору, значит, мы договор этот имеем в виду в должной мере.

В прошлом у нас были заявления (это было в хорошие времена, в 1990-е гг.), что наличие договора США и Японии не будет мешать развитию наших отношений и решению проблемы территориального размежевания. Такие заявления были, когда у нас были вполне приличные отношения с США. Сейчас у нас и отношения ухудшились, и, кроме того, мы стали выдвигать определённые условия, в том числе, основанные на предположении, что после передачи островов японцы согласятся разместить там американские военные базы. Лавров в своём интервью говорил, что американцы собираются там разместить ударные крылатые ракеты, что наземные японские системы противовоздушной противоракетной обороны будут носить элемент угрозы для России, особенно если там будет радар стоять.

Мы можем судить о нашей позиции только по непосредственным заявлениям, подобным тем, что сделал Лавров, а сам текст с нашими предложениями по договору был передан японской стороне. Но ясно, что в этом проекте договора речь о территориях не шла. Речь шла только о мирном договоре. Это для японцев, естественно, не вариант. Поэтому там была оппозиция, а когда переговоры начали заходить в тупик, это недовольство стало крепнуть и вылилось в довольно жёсткие японские заявления. Но сейчас ситуация совсем другая, переговоры вообще можно считать забытыми на длительную перспективу, отношения тоже испорчены на длительную перспективу.

Здесь можно начать размышлять о том, что было бы, если бы у нас был мирный договор и решение, основанное на формуле двух островов. Это вопрос чисто риторический, уже можно тут дебатировать, но ясно, что нынешний тупик в переговорах ведёт к тому, что мы получаем в лице Японии, как мы уже сами это сейчас оценили, не только недружественное государство, но и второй по величине политический антироссийский фронт, и экономический тоже. У меня нет времени рассказывать, как эти отношения выводить в нормальное русло, но я хочу сказать, что у некоторых есть такое мнение – да

ладно, всё это утихнет и всё начнётся сначала. Я в этом сильно сомневаюсь, хотя я считаю, что уже сейчас нужно начинать работать с теми людьми, которые остаются в Японии и хотят видеть в лице России дружественное государство.

Пока этих настроений всё меньше, но откуда они могут браться, если постоянно сейчас мы видим, как российско-китайское военное взаимодействие проявляется всё активнее вокруг Японских островов – то военно-морские манёвры с проходом через Сангарский пролив, то совместные с китайцами пролёты бомбардировщиков. То есть в этой обстановке говорить о том, что какие-то могут быть подвижки в отношениях, не приходится. Но работать на будущее надо, потому что некоторые считают, что всё кончилось и теперь даже отношения поддерживать не с кем. Надо всё равно нам стараться иметь хорошие отношения, поддерживать их.

Я всегда привожу пример, как было с Китаем. Если вспомнить культурную революцию, в Китае были жуткие антисоветские настроения. Там ходили хунвейбины, требуя «убить русских», забрать обратно территории и т.д. Но прошла эта волна, потребовалось довольно приличное время, чтобы всё это отошло в прошлое. Причём здесь тоже не нужно исходить из того, что мы всегда правы. Да, мы, конечно, правы, но не всегда. Тот же пример с Китаем – я участвовал в переговорах по границе с Китаем не все 40 лет, но почти 10 лет. И пока мы стояли упрямо на той позиции, что граница должна проходить по правому берегу реки Амура, хотя всем было очевидно, что граница должна проходить по фарватеру, ничего не двигалось. Наконец, когда мы сказали да, давайте по фарватеру будем делать, тогда начались конкретные переговоры, и мы решали эти вопросы конкретно.

То же самое – острова около Хабаровска. Упирались долго, что протока Казакевича – это и есть русло Амура, и что китайцы нарочно его засыпают песком, чтобы показать, что это не русло. Наконец мы сообразили, что решить вопрос так нельзя, решили на абсолютно компромиссной основе, и сейчас уже мало кто вспоминает о том, что мы в принципе уступили китайцам территорию, которая по площади равнозначна островам Хабомаи и Шикотан вместе взятым.

Это я говорю о том, что, если есть политическая воля, желание и стремление работать на будущее, можно решать любые вопросы. Мы, к сожалению, всё время думаем очень близкими перспективами, а если думать на долгую перспективу, как это делают китайцы и не только китайцы, то тогда надо менять стратегию. Тогда бы мы имели мирный договор с Японией, причём там было бы записано, что каждая сторона, даже имея союзные отношения с какой-то третьей страной, не будет использовать эти отношения против страны-партнёра. Это было бы сильно, и тогда у обеих сторон были бы козыри, чтобы строить новые отношения. Но не получилось. И теперь надо шаг за шагом работать для того, чтобы хотя бы сохранить те настроения, которые были, чтобы их потом развивать. И здесь надо сказать, что такие настроения есть и в Японии.

У меня есть письмо одного очень видного японского дипломата, где он сожалеет, что сложилась такая ситуация, как сегодня, и подчёркивает, что нужно иметь хорошие, дружеские отношения с Россией. Но у нас сейчас нет никаких контактов с японским руководством, ни с антирусским, ни с прорусским, ни с каким-либо другим. Такого вообще не должно быть.

Я недавно выступил на собрании в Институте США и Канады, и там тоже отмечалось – смотрите, когда у нас в советский период были плохие отношения с США, казалось, что вот-вот там чуть ли не война, и тогда создавался Институт США и Канады, именно для того, чтобы «размывать» антисоветскую ситуацию. А если мы будем замыкаться, стоять в позе обиженного, ни к чему это хорошему не приведёт.

Нелидов В.В.

Сегодня я хотел бы поговорить об оборонной политике кабинетов Абэ. В период с 2012 по 2020 гг. японская военная политика претерпела радикальные изменения, особенно если сравнивать её с тем, какими темпами она развивалась до этого. И хотя предпосылки её трансформации были заложены ещё раньше, в 1990-е гг., но значительной была и роль лично премьера Абэ, его политических планов и готовности воплощать эти планы в жизнь, в частности, его концепция «активного пацифизма», которая означала, что Япония должна активнее вносить свой вклад в дело международного миротворческого сотрудничества.

В ноябре 2013 г. парламент принимает законопроект о создании Совета национальной безопасности, который должен был стать основой планирования в этой сфере. Ключевым отличием Совета национальной безопасности от аналогичного органа, действовавшего до этого, стало то, что в его рамках был создан постоянный орган, Бюро национальной безопасности, которое должно было выполнять функции по сбору и анализу информации. Таким образом, это организационное новшество смогло создать основу для дальнейшей политики в сфере обороны и сфере национальной безопасности в целом.

На доктринальном уровне новшества, которые были привнесены правлением Абэ, были закреплены, когда в декабре 2013 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности, в которой в качестве основных назывались три цели. Во-первых, укрепление необходимого потенциала сдерживания для обеспечения мира и безопасности страны. Во-вторых, развитие союза с США, а также доверия и сотрудничества с партнёрами в регионе и за его пределами. В-третьих, укрепление международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах, и принятие Японией ведущей роли в разрешении конфликтов посредством постоянных дипломатических усилий и внесения вклада в виде отправки персонала. Имелась в виду отправка персонала Сил самообороны для участия в миротворческих операциях.

Иными словами, речь шла о том, что, несмотря на сохранение «мирной» 9-й статьи конституции, Япония собирается параллельно развивать все эти три направления. Представляется, что это по сути опровергает предположение некоторых аналитиков и комментаторов, которые говорили о том, что якобы дальнейшее наращивание боевой мощи Сил самообороны или превращение Японии в «нормальную страну», как это называется в японском дискурсе по поводу вопросов безопасности, будет вести к тому, что Токио будет все больше дистанцироваться от Вашингтона.

Напротив, на самом деле и доктринальные документы, которые появились в самом начале срока Абэ, и дальнейшее развитие событий показали, что обе эти цели – с одной стороны, развитие самостоятельной военной мощи Японии и, с другой стороны, развитие союза с США – не только не противоречат друг другу, но и оказались неразрывно связаны.

Именно необходимостью развития союза с США была обусловлена дискуссия о коллективной самообороне, которая стояла на повестке дня военной политики Японии в середине 2010-х гг.

В 2014 г. постановлением кабинета министров была изменена официальная трактовка конституции, введённая в 1972 г. решением законодательного бюро кабинета, согласно которому Япония не имела права на коллективную самооборону. Соответственно сейчас, с 2014 г., было установлено, что такое право у Японии есть. В 2015 г. это было закреплено и на законодательном уровне, когда был принят так называемый пакет законов о безопасности.

Примечательно, что именно в период премьерства Абэ в полной мере происходит переход от взаимодействия только с США в международном военном сотрудничестве – конечно, если мы не берём в расчёт какие-то миротворческие инициативы в рамках ООН, которые на самом деле в случае с японскими миротворцами не были никак связаны с применением силы – к более многосторонним форматам. Так, например, активно развивалась и, собственно говоря, продолжает развиваться до сих пор сотрудничество с Австралией, и многие аналитики даже говорят о формировании фактически «квази-союза» между Японией и Австралией. Активно проводятся военные обмены и учения с военными союзниками США по НАТО, особенно с Великобританией. Намечаются и развиваются связи со странами Юго-Восточной Азии, в особенности с Вьетнамом, что логично, учитывая, что именно у Вьетнама из всех стран Юго-Восточной Азии самые серьёзные противоречия с Китаем. Тем не менее, это не означает, что происходит некое размывание американоцентричной системы безопасности. Наоборот, все эти страны тоже включены в эту систему, тоже завязаны на США, поэтому здесь речи о какой-то автономизации военной политики всё-таки не идёт.

Впрочем, нельзя сказать, что все эти планы реализовывались на сто процентов гладко. Так, например, реформа конституции была одним из главных пунктов на повестке дня правительства Абэ. Хотя предложения относительно реформы конституции были разные, но всё-таки основной проект подразумевал добавление положений в 9 статью, которые легализовали бы или сняли бы любые возражения относительно конституционности Сил самообороны. Несмотря на это, сделать это премьер-министру Абэ так и не удалось, потому что не удалось заручиться однозначной поддержкой ни внутри собственной партии, ни у японского общественного мнения и японского политического мира в целом.

Более того, принятие «законов о безопасности» сопровождалось крупнейшими за последние десятилетия протестами, и в связи с этим именно оборонная политика правительств Абэ была едва ли не самой серьёзной мишенью для критики и оппозиции, и стран-соседей Японии, и японского общественного мнения в целом.

Были вместе с тем и внешние вызовы, в особенности связанные с эксцентричным поведением американского президента Дональда Трампа. Так, ещё во время предвыборной кампании он заявлял, что, возможно, Япония могла бы обзавестись ядерным оружием. Справедливости ради следует сказать, что позже он от этих слов отрешивался. Кроме этого, Трамп говорил о необходимости радикального повышения военного бюджета Японии, заявляя, что нынешняя ситуация, когда США защищают Японию, а Япония не несёт обязательств по защите американских территорий, несправедлива.

После избрания Трампа президентом его риторика в отношении Японии значительно смягчилась, но всё-таки определённое напряжение и определённые сомнения в надёжности американских гарантий подспудно сохранялись на протяжении всего его срока. Тем не менее, силы, которые толкали Токио и Вашингтон навстречу друг другу в военной сфере, оказались объективно сильнее. Прежде всего это относится к внешним угрозам для Японии. На тот момент в качестве таковых рассматривались и в определённом смысле рассматриваются сейчас две страны – это КНДР и КНР. Именно северокорейская угроза, наглядным выражением которой были и ядерные испытания (в частности, в период премьерства Абэ было одно в 2013 г., два в 2016 г. и ещё одно в 2017 г.), и постоянные запуски ракет привели к дальнейшему развитию японской системы противоракетной обороны, которая с самого начала создавалась в тесном сотрудничестве с США. И именно угроза со стороны КНР – и в контексте территориального спора вокруг островов Сэнкаку, они же Дяоюйдао, и в контексте политики Китая вообще, которая в японских официальных документах характеризуется как попытка изменения статус-кво силой – вела к укреплению военного потенциала Японии, особенно в регионах, которые, как предполагается, находятся под угрозой со стороны Китая, то есть на юго-западе страны.

Так, например, в 2018 г. была введена в строй амфибийная бригада быстрого реагирования. Это первое соединение морской пехоты в японских вооружённых силах за весь послевоенный период. Сюда можно отнести и принятое при Абэ решение о переоборудовании вертолетоносцев «Кага» и «Идзумо» в фактически авианосцы под американские самолеты F-35. Сюда же относится и так называемая дискуссия о наступательных вооружениях, которая особенно активизировалась в конце 2010-х гг.

В целом же можно заключить, что на протяжении премьерства Абэ японская оборонная политика совершила качественный скачок, причём, что важно, и после ухода премьер-министра со своего поста эти тенденции не только не затухли, но скорее даже продолжают набирать новую силу, особенно в свете нынешнего украинского кризиса, а также учитывая, что нынешнее руководство страны, в частности, премьер Кисида, в целом разделяют все ключевые установки Абэ в отношении военной политики.

По всей видимости, направления и планы в отношении Сил самообороны и в отношении политики национальной безопасности в целом, которые были намечены при Абэ, будут определять динамику их развития и в дальнейшем. Спасибо.

Стрельцов Д.В.

Я скажу со своей стороны несколько слов о внутриполитических последствиях правления кабинетов Абэ. Действительно, эпоха Абэ – это кардинальное изменение правил игры в японской политической жизни, и исследователи внутренней политики, конечно, будут эпоху Абэ включать в учебники как действительно значимую эпоху, которая во многом перевернула представления о японской политической сфере.

Когда пришёл Абэ в 2012 г., это было, как вы помните, его второе пришествие на политический престол в Японии, никто не ожидал каких-то крупных изменений в политической парадигме, потому что Абэ считался серым кардиналом, традиционным политиком, который вряд ли что-то новое внесёт в политику.

Всегда в Японии на первом этапе любой кабинет пользуется большой общественной поддержкой, имеет высокие рейтинги, но проходит небольшое время, и японцы разочаровываются в каждом старом премьере, рейтинги падают, проходит один, максимум два года – и премьер меняется. А здесь у нас получается, что Абэ просидел более восьми лет. Это за всю политическую историю рекорд, т.е. он превысил показатель не только Эйсаку Сато, но и Кацура Таро, который был ещё в начале XX в. и считался политическим долгожителем.

С чем это связано, почему Абэ оказался таким цепким политиком? Есть множество версий, я скажу, что здесь есть то, что связано с внешнеполитической обстановкой, которая была беспрецедентной для Японии с точки зрения ужесточения правил игры, ужесточения внешних условий, а в этих условиях был высокий спрос на сильного лидера, который бы держал страну в узде и смог бы отстаивать её национальные интересы. Потому что «мозаичные» премьеры, которые правили до прихода Абэ, не позволяли Японии сформулировать долгосрочную внешнюю политику с внятными целями.

Кроме того, японцы устали от этой мозаичности, от неопределённости. Спрос был на сильного, харизматичного лидера, который был бы носителем японских ценностей, хранителем японской политической традиции, и Абэ в полной мере отвечал этим ожиданиям. И что ещё важно, Абэ в полной мере использовал медиа-возможности, т.е. возможности имиджмейкинга за счёт телевидения, интернета. Он часто выступал публично, в отличие от предыдущих деятелей, и в результате сформировался образ сильного политика, который отвечает общественным ожиданиям.

Что ещё было интересно для стиля Абэ, во-первых, это использование лозунгов, ёмких слоганов. Мы все знаем, что в Японии такие слоганы активно применяются с периода Мэйдзи для мобилизации нации. Это *вакон ёсай* – японский дух, западная учёность, *фукоку кёхэй* – богатая страна, сильная армия и т.д. И Абэ взял на вооружение подобные лозунги. Самый известный из них – это лозунг абэномики, который стал мемом. Но это не единственный пример – он обращался и к регионам, взяв лозунг *тихо сосэй*, т.е. «возрождение регионов», и к социально слабым слоям общества, которые пострадали от рыночной экономики, и говорил о том, что нужно защитить слабых, провести реформу занятости, мобилизовать всю нацию на решение общенациональных целей (для этого использовался лозунг *итиоку кацуяку* – «активность ста миллионов», т.е. всего взрослого населения страны). Абэ специально обращался и к женщинам, взяв на вооружение лозунг *дзёсэй кацуяку* – «экономическая активность женщин». Эти лозунги были, конечно, абстрактными. Каждый вкладывал в них своё содержание, но они позволяли создать имидж такого лидера, который отвечает на потребности общества.

Абэ был носителем политической традиции в том плане, что был представителем крупного политического клана и внуком премьер-министра, его отец тоже был крупным политическим деятелем, министром иностранных дел. В Японии любят таких представителей политических кланов, популярность их изначально высока. Важно, что правление Абэ позволило создать видимость того, что Япония избежала благодаря ему многих проблем. Например, проблемы миграции, подобной той, что существует в Европе, которую заполнили беженцы. В Японии этого не было за счёт жёсткой миграционной политики. В стране достаточно хорошая ситуация в сфере общественного порядка,

отсутствует проблема терроризма, относительно низкий уровень безработицы, этнических конфликтов нет в Японии. Усилиями СМИ, усилиями имиджмейкеров это во многом связывали с деятельностью премьер-министра. Кроме того, Абэ считался правым политиком, носителем правонационалистической идеологии, и, хотя не все были согласны с его взглядами, широко распространённым было мнение о том, что при любом другом политике было бы только хуже, т.е. Абэ не было действенных альтернатив. Во внешнеполитической сфере Япония благодаря его личностной дипломатии смогла улучшить отношения со всеми соседями и ключевыми партнёрами – и с Китаем, и с Россией, и с США – это тоже работало на имидж Абэ.

Если взять внутривнутриполитическую сферу, Абэ в 2010-е гг. удалось победить на двух партийных выборах (поскольку Устав ЛДП предполагает трёхлетний срок на должности председателя партии), а ЛДП под его руководством одержала победы на шести общенациональных выборах – трёх в нижнюю палату и трёх в палату советников японского парламента. Секрет его побед прежде всего в том, что он «на полную катушку» использовал свою высокую популярность. Кроме того, японцы разочаровались в опыте прихода оппозиции в лице ДПЯ к власти в период 2009–2012 гг., сама же оппозиция после 2012 г. страдала от внутренних противоречий и не смогла составить сильной политической альтернативы ЛДП. Также Абэ удавалось навязать обществу такую повестку дня, которая была очень выгодна правящей партии в контексте электоральной ситуации. Когда разгорались скандалы с участием Абэ и его соратников по ЛДП и рейтинги Абэ падали – выборы задерживались, а когда была благоприятная обстановка, связанная с успехами абэномики, хорошими отношениями Абэ с Трампом, его визитами за пределы страны, тогда Абэ объявлял выборы, которые приносили ЛДП победу. При этом использовалась и такая особенность японской электоральной системы, как мажоритарная система, которая позволяет небольшое преимущество на выборах в одномандатных округах, где кандидат ЛДП побеждал даже небольшим большинством голосов, обратить в значимое преимущество внутри парламента.

Кроме того, Абэ удалось прижать, «приручить» японскую бюрократию, которая традиционно выступает как независимая сила, не слушающаяся политиков. Абэ удалось эту традицию сломать.

Во-первых, в 2014 г. было создано специальное Бюро по кадровым вопросам при Канцелярии кабинета министров, которое ведало всеми назначениями на все высокопоставленные посты в правительстве. Оно находилось под личным началом Абэ, и в результате впервые за всю послевоенную историю высшая бюрократия оказалась в кадровом отношении под прямым контролем политического лидера.

Кроме того, он активно и очень эффективно использовал саму Канцелярию кабинета министров, смог туда перетащить многих талантливых бюрократов из министерств и ведомств, которые позволяли ему держать руку на пульсе и собирать информацию для выдвижения политических инициатив.

Один из примеров, который здесь прозвучал, – это создание Совета по национальной безопасности по американской модели, это тоже свидетельство сильных президентских амбиций Абэ. Ему также удавалось противостоять т.н. группам давления, т.е. политическим лоббистским организациям, которые очень активно действуют в Японии, например,

Федерации сельхозкооперативов Дзэнно. Абэ удалось провалить законопроект, который ослабил в правовом отношении этот лоббистский орган, и в результате кабинет министров стал фактически неуязвим для политического лоббирования.

Какие недостатки стиля Абэ, в чём внутривластная проблема его управления? Конечно, это был авторитарный стиль – Абэ не считался с интересами меньшинств, не допускал внутривластных дискуссий по важным вопросам государственной политики, что нанесло сильный удар по внутривластной демократии. Во многом этот авторитаризм очень утомлял японскую политическую элиту, многие его не любили, но с Абэ приходилось считаться из конъюнктурных соображений. Кроме того, отсутствие обратных связей с партийными низами, отсутствие политических альтернатив привело к тому, что у Абэ не было сильных единомышленников, а после его ухода новые лидеры партии постарались отмежеваться от многих его начинаний. Конечно, Абэ подкосили хорошо известные коррупционные скандалы с его личным участием, например, скандал Моритомо гакуэн, который показал, что личные друзья Абэ использовали для достижения личной выгоды, нередко в обход закона, своё знакомство с ним. При Абэ часто использовались методы, больше характерные для латиноамериканских стран – кумовство, nepotism и т.д. Сейчас прошло уже почти два года после ухода Абэ, и этот срок показал, что привнесённый им новый стиль руководства оказался не очень цепким, не очень прочным, и новые премьеры, которые пришли ему на смену, уже проповедуют другую политическую философию, более традиционную. Это опора на фракционную политику, на внутривластные согласования, внутривластную демократию.

Белов А.В.

Для экономиста разговор о наследии Синдзо Абэ прежде всего связан с понятием абэномики. Уже почти 10 лет этот термин широко применяется для описания японской экономической политики. Приближается время пересмотра основных её направлений, но пока неизвестно, когда будут приняты такие решения. Поэтому, как мне кажется, выражение «казнить нельзя помиловать», или, если его сформулировать в отношении абэномики – «продолжить нельзя остановить», очень хорошо отражает особенности складывающейся ситуации. В этой связи у меня есть три тезиса, которые хотелось бы вам сейчас изложить.

Во-первых, абэномика представляет собой очень удобную формулу для краткого описания экономической политики. Во-вторых, основные инструменты абэномики до сих пор применяются, и это говорит о том, что они весьма привлекательны. В-третьих, в абэномике есть самые различные итоги, в том числе очень противоречивые. Но, мне кажется, такая противоречивость является скорее результатом сложности решаемых проблем, чем свидетельством неправильности самой политики. Вот, собственно, и всё, что я хотел бы сказать сегодня, а теперь позвольте мне привести несколько иллюстраций для раскрытия этих тезисов.

Итак, во-первых, абэномика – это очень удобная формула для краткого описания всей экономической политики. Как преподаватель я часто сталкиваюсь с необходимостью рассказать просто о сложных вещах, и с этой точки зрения мне бы хотелось очень высоко оценить деятельность и талант Синдзо Абэ, который смог предложить такую понятную классификацию комплексных экономических явлений.

В экономике есть функция Кобба-Дугласа, которая сводит все результаты экономической деятельности к вкладу трёх составляющих: капитала, труда и всего остального, т.е. так называемой совокупной факторной производительности. По сути, то же самое делает и абэномика, где все инструменты экономической политики разделены на три группы и классифицируются как денежная политика, как бюджетная политика и как стратегия экономического роста. Это и есть знаменитые три стрелы абэномики.

Ни в денежной, ни в бюджетной, ни в структурной области ничего нового нет, но сама классификация настолько проста и удобна, что вполне может пережить своего создателя, как это произошло с тэтчеризмом и с рейганомикой. По крайней мере, и последователь Синдзо Абэ, предыдущий премьер Ёсихидэ Суга, и нынешний премьер Фумио Кисида, оба абэномику продолжают, а Кисида даже цитирует Абэ, когда говорит «Invest in Kishida» – это прямая отсылка к известному выражению «Buy my abenomics», которую Синдзо Абэ произнёс без малого 10 лет назад.

Отсюда можно перейти ко второму тезису: основные инструменты абэномики используются до сих пор несмотря на то, что некоторые промежуточные задачи уже решены. Вот, например, в апреле впервые за многие годы в Японии достигнут целевой уровень инфляции, которая в области потребительских цен превысила 2 %. Именно на достижение такой инфляции была ориентирована политика сверхнизких процентных ставок и мягких бюджетных ограничений.

Но и сейчас занижение процентных ставок и расширение бюджетных расходов продолжается. Это говорит о том, что с политической точки зрения такие денежные и бюджетные меры очень привлекательны, а с экономической стороны проводимая эмиссия дешёвых денег стала настолько важным фактором развития, что заменить её чем-то другим в ближайшее время слишком сложно. Судя по всему, принятая денежная и бюджетная политика будет продолжаться несмотря на то, что результаты абэномики во многом выглядят весьма противоречиво.

И всё же, эти противоречия говорят скорее о сложности решаемых проблем, чем свидетельствуют о недостатках самой политики. Это третий тезис, который мне хотелось бы вам раскрыть. Здесь вполне уместно привести конкретный пример взаимосвязи итогов деятельности компаний и повышения доходов работников. К сожалению, достичь позитивной связи двух величин – прибыли и заработной платы – кабинетам Синдзо Абэ так и не удалось. Доходы предприятий увеличились, финансовое положение улучшилось. В прошлом году прибыли крупнейших компаний, котируемых на токийской фондовой бирже, выросли более чем на 35 %. Это произошло на фоне восстановления мировой экономики после острого периода пандемии. Далее, в потреблении самих предприятий, т.е. в инвестировании, наметились позитивные тенденции – чем больше японские компании получали прибыли, тем охотнее они вкладывали в будущее производство. Появилась очевидная положительная связь прибыли и инвестиций.

Однако несмотря на то, что предприятия добивались лучших результатов и активнее инвестировали, личное потребление сокращалось. В период абэномики зарплаты так и не вышли на траекторию устойчивого роста ни в реальном, ни в номинальном выражении. Более того, за прошедшие годы несколько раз индексы заработной платы имели даже отрицательную динамику. Это не значит, что была выбрана неправильная политика. Просто

проблема слишком сложная, а для решения проблем такого класса трудно предложить что-либо иное кроме тех самых трёх стрел, трёх составляющих абэномики, о которых уже шла речь. Скорее всего, эти же инструменты будут использоваться и в дальнейшем. Тем не менее, раз ситуация меняется, то и стрелы придётся заточить под новые цели.

Очень многое говорит о том, что в ближайшее время, по крайней мере до конца текущего года, абэномику необходимо «продолжить, нельзя остановить», а что произойдёт дальше, покажет экономическая динамика и недалёкое будущее.

Швыдко В.Г.

Я постараюсь кратко обрисовать общую картину и дать оценку, может быть немного субъективную, того, что внёс период премьерства Абэ в экономическую политику Японии.

Сразу же после того, как в 2012 г. С. Абэ повторно занял пост премьер-министра страны, он пообещал с помощью революционных мер решить в экономической сфере масштабные задачи, которые оказались не по плечу его предшественникам. Когда же выяснилось, что сформулированные им вызовы слишком сложны, а инструментарий, который он предложил, оказался недостаточно эффективным, он сделал определённый ход назад – скорректировал свою публичную риторику, отказавшись от оказавшихся нереализуемыми амбициозных целей, сохранив при этом, однако, имидж решительного реформатора. Во второй половине своего почти восьмилетнего срока пребывания на посту премьера С. Абэ фактически внёс существенные изменения в видение задач экономической политики, а также временных рамок для их решения.

Главной задачей в области экономической политики, которую С. Абэ поставил перед собой на первом этапе своего премьерства, была задача отреагировать на длившийся с 1992 г. долгий период стагнации экономики.

Конечно, все эти 20 лет японская экономика не стояла на месте – в ней происходили достаточно глубокие качественные изменения и в производстве, и в потреблении. Однако количественные параметры экономического роста были достаточно скромными. В первое десятилетие средние темпы прироста ВВП и доходов населения составляли примерно полпроцента в год, во второе десятилетие – чуть менее одного процента. Столь низкие темпы экономического роста на протяжении столь длительного периода побудили японский политический класс переосмыслить значимость и возможные последствия затянувшегося застоя в экономике и признать необходимость поиска эффективных средств воздействия на неё. В японских элитах возникало ощущение, что затянувшаяся стагнация становится политической проблемой; что она ведёт к сползанию страны на более низкие позиции на мировой шкале богатства и процветания, и происходит это, главным образом, по причине дефицита эффективных мер государственного стимулирования трансформации и роста экономики.

Однако меры, которые, отвечая на этот запрос, предложил С. Абэ, представив их чуть ли не как революционные, по сути, сводились к классическим инструментам, рутинно используемым в любой развитой экономике для поддержки роста экономики через стимулирование спроса. Это было, во-первых, смягчение денежной политики, наполнение каналов экономики дешёвой ликвидностью. Во-вторых, это были меры фискальной политики, направленные на увеличение инвестиционных расходов и потребления внутри

страны. В-третьих, это была попытка стимулировать экспорт за счёт снижения курса национальной валюты. И в-четвёртых, это было то, что называлось «структурной политикой», т.е. попытка административными и политическими мерами стимулировать развитие инновационного бизнеса и устранить узкие места в инфраструктуре и в социальной сфере, которые, по мнению экспертов, препятствовали выходу экономики на более высокую орбиту роста.

Перечисленные меры были упакованы в красивый словесный пакет под названием «абэномика», которая была объявлена программой радикальных, революционных преобразований в экономической политике страны. При этом единственным по-настоящему новым элементом в ней было то, что новый премьер в качестве главного рычага выхода из стагнации выделил преодоление дефляции. Его экономические советники считали, что это – то самое ключевое звено, ухватившись за которое, можно было бы осуществить переход к устойчивому экономическому подъёму. Считалось, что именно выход на умеренную (в пределах двух процентов в год по показателю потребительских цен) управляемую инфляцию позволит запустить восходящую спираль роста цен, производства, занятости и производительности – так называемый самовоспроизводящийся цикл улучшения макроэкономических показателей.

Поскольку сформулированные новым премьером задачи были, главным образом, задачами среднесрочного, а отчасти даже краткосрочного плана, уже через пару лет можно было подводить некоторые итоги: что из намеченного удалось, а что – нет. К 2015–2016 гг. правительство действительно могло отчитаться об определённом прогрессе, который, однако, касался в основном промежуточных целей.

Так, удалось последовательно проводить предельно мягкую кредитно-денежную политику, используя для этого два главных рычага. Во-первых, был реализован аналог американской монетарной политики «количественного смягчения», т.е. масштабный выкуп облигаций государственного долга у коммерческих банков центральным банком – Банком Японии. За первые два года премьерства Абэ количество государственных долгосрочных ценных бумаг на балансе Банка Японии увеличилось в два раза, за следующие два года – ещё вдвое. Это обеспечило мощный вброс ликвидности в экономику и увеличение денежной базы и денежной массы. Во-вторых, удалось обеспечить предельно низкие процентные ставки на денежном рынке. За счёт манипулирования процентными ставками, находящимися в компетенции центрального банка, который возглавил конфидент нового премьера, ставки доходности инструментов государственных заимствований на вторичном рынке удавалось удерживать практически на нулевом уровне. Соответственно, и процентные ставки коммерческих банков оставались чрезвычайно низкими: так, справочная стандартная ставка банковского кредитования в течение всего периода кабинетов Абэ держалась на уровне чуть больше одного процента. Реальные ставки заимствования, зависящие от категории заёмщика, залога и условий кредитования, конечно, были несколько выше, но в целом обеспечивалась дешевизна кредита, что расценивалось как успех абэномики.

Другим положительным моментом был рост занятости. Было создано довольно большое количество новых рабочих мест, что С. Абэ оправданно ставил себе в заслугу.

Однако названные достигнутые цели были в основном промежуточными. Цели более высокого порядка, фундаментального свойства, оказались реализованными в меньшей степени.

Так, не удалось навести порядок в государственных финансах: по-прежнему сохранялся высокий уровень дефицита бюджета и продолжался рост размеров госдолга. Последний за время премьерства С. Абэ вырос с 209 % до почти 230 % ВВП.

Не удалось по-настоящему преодолеть дефляцию, и это было главной неудачей Абэ. Да, в первые годы была тенденция к некоторому повышению динамики потребительских цен, но затем этот процесс сошёл на нет, и в течение почти всего срока премьерства С. Абэ прирост потребительских цен в годовом выражении был либо отрицательным, либо мало отличался от нулевого.

Не удалось выйти и на высокие темпы экономического роста. В отдельные годы (например, в 2013, 2015, 2017 гг.) темпы прироста ВВП приближались к 2 %-ной отметке, но не превышали её; в другие годы не достигали и одного процента.

В свете таких результатов первых трёх-четырёх лет премьерства С. Абэ экономическая риторика правительства существенно поменялась. Хотя основные методы и параметры макроэкономического регулирования оставались в основном теми же, акценты в риторике сместились с факторов на стороне спроса в сторону факторов предложения. В качестве одной из главных задач экономической политики стали называть реагирование на демографические вызовы, а именно: повышение экономической активности населения в тех категориях, которые до сих пор были достаточно пассивны (старшие возрастные категории, женщины). На первый план вышли проблемы качества исходных ресурсов – технологических, предпринимательских, трудовых. Это, в частности, вопросы совершенствования системы образования, стимулирования технических новшеств, любых видов НИОКР, малых форм предпринимательства. Это также структурные преобразования в экономике на основе использования современных цифровых технологий – то, что в документах, регулярно принимавшихся кабинетом министров в последнее десятилетие, называлось «цифровой трансформацией», или «цифровым переходом». Прежние же приоритеты экономической стратегии – поддержка роста через стимулирование отдельных компонентов совокупного спроса при соблюдении финансовой дисциплины – отошли на второй план, хотя и продолжали присутствовать в официальной повестке.

Стоит отметить, что подобное смещение акцентов характерно не только для Японии, но и для всего развитого мира. Оно имеет, как минимум, две причины. Первая – объективная: необходимость подобной модификации в условиях глубоких структурных изменений в экономике. Так называемая новая экономика, которая сейчас вырастает на основе прежней, но отчасти и вместо неё, конечно же, также нуждается в макроэкономической стабильности, отражаемой традиционными параметрами – динамикой цен, характеристиками денежных рынков, кредита, обменным курсом валют и т.д. Однако для того чтобы придать новой, высокотехнологичной экономике нужный динамизм, этого недостаточно: необходимы также ещё новые, не использовавшиеся ранее инструменты и подходы с упором на повышение качества и производительности экономических ресурсов. Соответственно, это нашло отражение и в публичной риторике и действиях правительственных кабинетов С. Абэ в последние годы его политической активности.

Но есть ещё и вторая, субъективная причина произошедшей смены приоритетов. Дело в том, что показатели качества экономических ресурсов, в отличие от макроэкономических показателей, не образуют строгую систему параметров, по которой можно было бы судить об успешности (или, наоборот, неуспешности) деятельности правительства. Через во многом субъективный выбор произвольного набора показателей можно создать впечатление эффективной деятельности любого кабинета, если только она не привела к очевидному для всех кризису. Поэтому смещение акцентов в сторону показателей качества факторов производства (вместо макроэкономических параметров) создаёт для правительств более комфортную среду: они сами выбирают для себя показатели успеха и демонстрируют его общественности. Это, кстати, бросается в глаза и при сопоставлении программных документов, утверждаемых на уровне кабинета министров, в разные моменты периода премьерства С. Абэ: невыигрышные для правительства показатели и критерии экономического успеха незаметно заменялись более удобными, с помощью которых правительство могло показать свою эффективность и результативность.

В заключение я хотел бы обрисовать, как видятся самые последние изменения, которые произошли в риторике японского правительства в области экономической политики после отставки С. Абэ и прихода на пост премьера Ф. Кисида. Все основные характеристики макроэкономической политики последних десяти лет пока не подвергаются ревизии и вряд ли будут ей подвергнуты. Для бюрократической машины, отвечающей за формирование и реализацию экономической политики, характерна сильная инерция мышления и действий, так что каких-либо крупных изменений в макроэкономической политике ожидать не стоит. Однако на уровне риторики, особенно по вопросам стратегического и общетеоретического характера, я бы отметил три момента, которые стали особенно заметны после смены лидера.

Во-первых, это особый упор на распределительный и перераспределительный механизмы, которые обеспечивают передачу экономических благ и продуктов экономического роста возможно большим слоям населения – то, что нынешний премьер называет словосочетанием «новый капитализм».

Во-вторых, это акцент на «инклюзивность» – на вовлечение в экономический оборот возможно большего количества новых или недоиспользуемых ресурсов. Применительно к человеческим ресурсам это подразумевает большее вовлечение в экономическую жизнь изначально менее активных возрастных, гендерных и иных групп населения.

В-третьих, это акцент на культурные, социальные и психологические последствия и аспекты внедрения современных технологий в экономический и социальный оборот. Это попытка подумать о возможностях нейтрализации негативных последствий новых технологий, в том числе цифровых, для социальных отношений и психологического климата в обществе.

Все эти моменты, конечно, не означают смены общей парадигмы, но как система акцентов правительственной стратегии содержат в себе элемент новизны по сравнению с картиной приоритетов, типичной для «эпохи Абэ».

Лебедева И.П.

Тема моего выступления – вименомика.

Как известно, вскоре после прихода к власти в 2012 г. С. Абэ провозгласил одной из главных целей своей политики превращение Японии в страну, где «женщины будут сиять». Комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для совмещения женщинами работы и домашних обязанностей, получил название «виминомика». Помимо решения основной задачи – расширения участия женщин в экономике и усиления их роли в различных областях жизни общества – виминомика ставила целью создание условий для повышения показателя фертильности, по уровню которого Япония оказалась в едва ли не худшем среди развитых стран положении. При этом основное внимание было уделено женщинам, находящимся в возрасте 25–45 лет, т.е. в том возрасте, на который приходится замужество и воспитание детей.

Дело в том, что в Японии сложилась особая модель занятости замужних японок, затрудняющая полное использование ими своего потенциала, образования и способностей. Хотя по уровню образования японки практически уже не уступают мужчинам, многие из тех, кто начинал свою карьеру в качестве постоянного работника, после того как дети подрастут, предпочитают либо вообще не работать, либо устраиваются на места непостоянных работников. Дело в том, что в японских компаниях карьерный рост тесно увязан с внутрифирменным обучением, и женщины, будучи оторваны от этой системы на несколько лет, по сути утрачивают возможность сделать успешную карьеру и не видят смысла возвращаться на прежнюю работу. Один из японских специалистов назвал такую ситуацию «наказанием за замужество и рождение детей».

К этому следует добавить, что для многих женщин сочетание постоянной работы и семейных обязанностей оказывается просто физически невозможным. С одной стороны, на них давит жёсткий режим труда постоянных работников японских фирм, с другой – на них ложится основное бремя домашних дел.

Следует также отметить, что долгое время возвращению женщин на рынок труда в качестве полноценных работников препятствовала и нехватка детских дошкольных учреждений, особенно в крупных городах.

Что же было сделано в рамках виминомики для создания условий для совмещения женщинами работы и семейных обязанностей?

Прежде всего, следует сказать о Законе о содействии экономической активности женщин (*дзёсэй кацуяку суйсинхо*), принятом в 2015 г. Он обязал крупные частные компании разработать так называемые Планы действий владельцев предприятий с указанием конкретных цифр, касающихся доли женщин среди работников разных категорий, включая и высшие должности. Прежде всего, речь шла о трудоустройстве женщин, желающих вернуться на прежние места по окончании отпуска по уходу за ребёнком.

В мае 2019 г. этот закон был дополнен: с 1 июня 2021 г. нормы закона стали обязательными для всех предприятий с числом занятых свыше 300 человек, а с 1 апреля 2023 г. станут обязательными для всех предприятий с числом занятых свыше 100 человек.

Для того чтобы стимулировать компании нанимать женщин на должности постоянных работников, государство выплачивает им субсидии. Владельцам мелких и средних предприятий, принявшим на работу женщин на места постоянных работников, выплачивается субсидия в размере 600 тыс. иен, на места частично занятых – *пато* – 400 тыс. иен. В случае крупных предприятий размеры субсидий составляют соответственно 500

тыс. иен и 300 тыс. иен. По 50 тыс. иен в течение трёх месяцев получают также предприятия, которые нанимают на испытательный срок женщин, не имевших опыта работы по конкретной профессии.

Ещё один вид поощрения – награждение особо отличившихся компаний почётным знаком «Эрубоси» (разных степеней). Этот знак (в виде звёзд над шаром, количество которых указывает на степень знака) они могут использовать в названии фирмы, в рекламе, помещать на этикетках товаров, визитках своих сотрудников и т.д. По данным на конец 2019 г. его получили 992 компании.

Далее, были улучшены условия предоставления отпуска по уходу за ребёнком. Так, в 2014 г. его продолжительность была доведена до 16 месяцев. При этом в течение первых 8 недель после рождения ребёнка женщины получают пособие по родам в размере 2/3 от заработной платы. Затем начинает выплачиваться пособие по уходу за ребёнком: в первые полгода – в размере 2/3 от заработной платы (прежде – 50 %), в последующие 6 месяцев – в размере 50 %.

Кроме того, была существенно расширена сеть детских дошкольных учреждений. За пять лет (2013–2017 фин. гг.) число мест в них увеличилось на 535 тыс., а число детей, числящихся на листе ожидания, к апрелю 2018 г. сократилось до 20 тыс. По плану, принятому в июне 2017 г., за пять лет (до конца 2022 фин. г.) предполагалось создать ещё 320 тыс. мест. Однако уже в сентябре того же года сроки его реализации были сокращены на два года и перенесены на конец 2020 фин. г., т.е. на март 2021 г.

И, наконец, была усилена материальная поддержка семей с детьми. В мае 2019 г. был принят Закон о бесплатном дошкольном образовании. Для всех детей в возрасте от 3 до 5 лет, а также для детей в возрасте до двух лет из семей с низкими доходами (освобождённых от уплаты налога на резидентов) обучение (пребывание) в государственных детских дошкольных учреждениях стало бесплатным. А родители детей, посещающих частные детские учреждения, с 2019 г. получают субсидии: на ребенка в возрасте от 3 до 5 лет – до 37 тыс. иен в месяц, в возрасте до 2 лет – до 42 тыс. иен в месяц. Расходы государства на эти цели покрываются за счёт потребительского налога, ставка по которому в октябре 2019 г. была повышена с 8 % до 10 %.

Ещё одним направлением мер, предпринятых в рамках вименомики, стало улучшение условий труда непостоянных работников. Несмотря на несомненные преимущества постоянной занятости, далеко не все женщины, возвращающиеся на рынок труда, стремятся найти постоянную работу. В силу разных обстоятельств их больше устраивает непостоянная занятость. Но проблема заключается в том, что исторически в Японии сложился глубокий водораздел между постоянной и непостоянной занятостью – в плане оплаты труда, возможностей карьерного роста, доступа к системе социального обеспечения и т.д. Сейчас в Японии насчитывается порядка 20 млн непостоянных работников, при этом 2/3 из них – женщины.

Поскольку в связи с сервисизацией японской экономики потребность в гибких формах занятости постоянно возрастает, для того чтобы сделать сферу непостоянной занятости более привлекательной, правительство предприняло следующие меры.

Прежде всего, в апреле 2013 г. были внесены поправки в Закон о трудовом контракте. Он ввёл механизм перевода работников с фиксированным сроком контракта (т.е.

непостоянно занятых) в категорию работников с открытым сроком контракта (т.е. постоянно занятых). Условием такого перевода является неоднократное возобновление временного контракта при общем сроке работы в компании не менее пяти лет. Кроме того, в закон было внесено положение, обязывающее предпринимателей обеспечивать для непостоянных работников такие же условия труда, что и для постоянных работников. В июне 2018 г. это положение было конкретизировано, а именно было законодательно зафиксировано требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников.

Ещё одним важным шагом в улучшении их положения стало расширение доступа к системе пенсионного и медицинского страхования. С октября 2016 г. она была распространена на *пато* (частично занятых), работающих на предприятиях с числом занятых более 500, а с апреля 2017 г. – и на предприятиях с числом занятых менее 500 человек (во втором случае – по соглашению между менеджментом и работниками).

Каковы результаты этих мер?

Всего за период 2012–2019 гг. число работающих женщин возросло почти на 3 млн человек. При этом заметно повысилась занятость именно в проблемных группах. В возрастной группе 25–34 года доля работающих женщин повысилась с 72,3 % в 2010 г. до 81,1 % в 2019 г., в группе 35–44 года – с 68,2 % до 78,6 %, а доля постоянных работников в обеих группах поднялась с 51,0 % в 2013 г. до 55 % в 2019 г.

Что касается повышения уровня фертильности, то здесь дела обстоят сложнее. За низким уровнем фертильности в Японии скрываются две основные проблемы, а именно – снижение фертильности японских семей, т.е. сокращение числа детей в семье, и рост доли не состоящих в браке японок.

Многую уже упоминались меры, принятые в рамках вименомики, для уменьшения бремени расходов родителей на воспитание маленьких детей, а также меры по поддержке семей с детьми школьного возраста. Однако не только материальные соображения удерживают японцев от обзаведения вторым ребёнком. Препятствием становится и вопрос о разделении семейных обязанностей, который не позволял женщинам действительно полноценно участвовать в экономической жизни, особенно в тех семьях, где женщина получила высшее образование. Продолжается пропагандистская кампания «Икумен» – это масса всяких рекламных мероприятий, в рамках которых рассказывается о том, что семейные обязанности должны делиться поровну. Созданы специальные сайты, на которых размещается информация о моделях поведения супругов в тех или иных ситуациях. С 2001 г. в стране ежегодно проводятся недели гендерного равенства (с 23 по 29 июня), в рамках которых местные власти организуют всевозможные мероприятия, пропагандирующие идею гендерного равенства в семье, на работе, в обществе.

Что касается вопросов замужества, то правительство, конечно же, не может напрямую стимулировать этот процесс в силу его очевидной деликатности. Помимо всех тех мер, которые оно предпринимает, чтобы не ставить молодых японок перед выбором – семья или карьера, оно пытается содействовать повышению брачности, оказывая молодым семьям финансовую помощь. До недавнего времени зарегистрировавшие брак молодожёны получали 300 тыс. иен при условии, что обоим супругам на момент регистрации было не более 35 лет, а их совокупный годовой доход не превышал 4,8 млн иен. Но с апреля 2021 г. размеры этих выплат повысились до 600 тыс. иен, при этом оба супруга на момент

регистрации брака должны быть не старше 40 лет, а их совокупный доход не должен превышать 5,4 млн иен.

Ковид, конечно же, «смазал» результативность мер вименомики. Поскольку многие японки работают в сфере торговли, бытовых услуг населению, гостиничном и ресторанном бизнесе, ограничения, введённые в этих отраслях, не могли не сказаться на женской занятости. Усугубила положение дел и необычность самого вызванного пандемией кризиса, который сопровождался закрытием школ, детских садов, а также невозможностью прибегнуть к помощи дедушек и бабушек из-за рекомендаций избегать лишних контактов, особенно с людьми пожилого возраста. Очевидно, что возросшее в связи с этим бремя домашних забот легло, главным образом, на плечи японских женщин. Разного рода ограничения растянулись почти на три месяца, и к июню 2020 г. число работающих японок трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) сократилось на 330 тыс. человек по сравнению с мартовскими показателями, а в группе 25–44 года – на 190 тыс. человек. Однако в последующие месяцы, по мере возвращения экономики в нормальное русло, ситуация начала улучшаться, и к октябрю 2020 г. общее число работающих женщин 15–64 лет возросло на 290 тыс., а в группе 25–44 года – на 250 тыс. человек.

Чугров С.В.

Моя цель исследования – проанализировать изменения массового сознания за последние пять лет, но я постараюсь сфокусировать внимание на трансформации суждений японской студенческой молодёжи об итогах Второй мировой войны, произошедшей в период второго срока пребывания у власти Синдзо Абэ.

В 2020 г. я прилетел в Японию, чтобы в течение семестра читать лекции в Университете Сока, расположенном примерно в пятидесяти километрах к западу от Токио. Именно в тот день, в среду 11 марта, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально объявила, что распространение новой коронавирусной инфекции достигло стадии пандемии. Признаюсь, я был потрясён, увидев то, что я никогда в жизни не ожидал увидеть, а именно – уголок Японии... без японцев. Семестр начался необычно: кампус оказался полностью закрытым, и кроме охраны и нескольких библиотекарей там никого не было.

Занятия исправно велись в онлайн-режиме, но, несмотря на отсутствие привычных ранее толп студентов, библиотечные книги выдавались, и это была прекрасная возможность без суеты вести научные исследования. Во-первых, я изучал сложившийся в Японии дискурс, который касался изменений в восприятии итогов Второй мировой войны под воздействием идей Абэ. Во-вторых, в ходе дистанционных занятий я смог провести опрос 146 японских студентов университета Сока в возрасте от 18 до 22 лет и обработать его результаты с помощью специального программного обеспечения.

Говоря о том, что изменилось в японском дискурсе по поводу итогов войны за последние пять лет, я отметил, что тренд обозначился после выступления Синдзо Абэ в парламенте 14 августа 2015 г. Премьер-министр в важном для его политической карьеры заявлении по случаю 70-летия со дня окончания Второй мировой войны подчеркнул, что «послевоенные поколения страны не должны бесконечно нести бремя вины за действия японской армии». В то же время он отдал дань доминирующим в стране настроениям

пацифизма: «Мы продолжим следовать клятве, больше никогда не принимать участие в войнах».

Это, конечно, довольно традиционное заявление, но изменилось то, что к словам «колониальное правление», «извинения» добавились интонации по сути с оттенком покаяния: «Я склоняю голову перед душами тех, кто расстался с жизнью дома и за рубежом, выражаю чувства глубокой скорби и вечные, искренние соболезнования». Но многие комментаторы, прежде всего в Китае и на Корейском полуострове, усмотрели тут двусмысленность, поскольку Абэ в первую очередь назвал среди погибших «три миллиона наших соотечественников», не вернувшихся с войны. Знаковым импульсом для сознания японцев стало и заявление Абэ о том, что «послевоенные поколения страны не должны бесконечно нести бремя вины за действия японской армии».

Политическое поведение премьер-министра в течение второго срока пребывания у власти было отмечено подчёркнутой осторожностью. Например, по поводу особо болезненного для соседних с Японией стран вопроса о традиционном паломничестве японских лидеров в храм Ясукуни можно отметить, что Синдзо Абэ всего лишь однажды посетил этот храм в статусе премьер-министра, ограничившись ежегодной отправкой туда поминальных веточек *sасаки*.

Но перейду к центральному пункту моего исследования – опросу студентов о том, как они сейчас воспринимают курс Абэ по проблемам итогов войны, объявленный за пять лет до опроса. После консультации с коллегами задавать вопрос про храм Ясукуни я не стал, сочтя предмет слишком политизированным для студенческой аудитории. Также не совсем корректно показалось мне напрямую спрашивать студентов об осознании ими своей вины за политику, в проведении которой участвовали их деды и прадеды.

Для представления итогов исследования я отобрал четыре наиболее важных вопроса, ответы на которые особенно показательны. Например, любопытны ответы на вопрос – «Кто в Японии несёт ответственность за развязывание Тихоокеанской войны и за поражение в войне?». Из 146 человек (а это был анонимный опрос по Zoom) ответ, что «виноваты руководители армии и флота», выбрали 73 %, высшая бюрократия страны – 61 %, политики – 69 %, император – 41 % (эта цифра меня удивила: я думал, что она на порядок ниже), что «виноваты журналисты» – 25 %, бизнес – 25 %, общественность, т.е. сами японцы – 21 %, «никто в отдельности не виноват», «так сложилось» – 3 %.

Особенно важен был вопрос, который в деликатной формулировке решил всё-таки поставить, – «Считаете ли вы, что нынешнее поколение молодых японцев должно нести ответственность за Вторую мировую войну?». Ответы распределились таким образом: «Думаю, что мы должны нести ответственность» – 30 %, «нет необходимости ощущать ответственность» – 59 % и не ответили – 11 %.

Призыв Абэ, прозвучавший в 2015 г., к тому, чтобы молодое поколение японцев избавилось от виктимности, сработал лишь частично. К тому же надо непременно сделать поправку на то, что Университет Сока – это особый университет, с особыми традициями пацифизма. Без такой поправки, конечно, приведённая раскладка ответов не может адекватно характеризовать всё японское студенчество.

Самый интересный вопрос, я считаю, такой – «Сменявшие друг друга японские премьер-министры извинялись перед Китаем и Кореей за ошибки прошлого. Думаете ли вы,

что эти извинения были нужны? Если да, то достаточно ли было принесено извинений на сегодняшний день или недостаточно?». Из 146 ответивших студентов считают, что «не было вообще необходимости в извинениях» – 3 %, «извинения были нужны, но их уже достаточно» – явное большинство, 66 %. Иначе говоря, две трети опрошенных студентов Университета Сока сочли, что лидеры Японии поступали правильно, принося извинения, но таких извинений уже хватает, и только каждый пятый, 21 %, считает, что извинений всё же недостаточно. Мнение двух третей респондентов о том, что «хватит извиняться», видимо, превалирующее среди молодого поколения, считаю наиболее существенным для понимания состояния сознания японской молодёжи.

Ещё меня интересовал вопрос по поводу послевоенного периода, который принято обозначать термином *сэнго дзидай* (период «после войны»): закончилась ли эта эпоха для Японии или ещё продолжается? Каждый пятый (21 %) считает, что закончился, а четыре пятых (почти 80 %) полагают, что послевоенный период ещё продолжается.

Причины продолжения послевоенного периода в глазах студентов Университета Сока таковы: 58 % считают: «Потому что территориальный вопрос не решён», уточняя, что речь идёт не только о «северных территориях», но и об островах Сэнкаку и Такасима. Период *сэнго* не закончился, «потому что в стране есть военные базы США» считают 36 %, «потому что остаётся память о войне» – 53 %. Интересно, что 23 % респондентов выбрали ответ – «Я не думаю, что общество осознало свою ответственность за войну». Это важный индикатор состояния общественного сознания молодого поколения: почти каждый четвёртый респондент сознательно сделал выбор в пользу суждения о недостаточном осмыслении молодёжью итогов Второй мировой войны (опять же, подчеркну, нужно сделать поправку на пацифизм, который доминирует в университете, который находится под патронажем Сока Гаккай).

Если не вдаваться в дальнейшие детали, а сделать широкие обобщения, на которые наталкивают результаты опроса студентов и дискурс-анализ сегодняшней исторической литературы по вопросам войны и мира, то итог, полагаю, будет следующий. Во-первых, отношение к истории и в Японии, и в нашей стране изменилось: если пару десятилетий назад мы считали непредсказуемым будущее, то сейчас непредсказуемым стало прошлое, оно меняется в зависимости от прагматических настроений общества, от договорённостей экспертов в консенсусе с общественным мнением. Историческое прошлое сейчас предстаёт как открытая система, а трактовки прошлого могут меняться со временем в зависимости от задач, которые стоят перед обществом. Во-вторых, на наших глазах разрушается казавшаяся незыблемой Ялтинско-Потсдамская система, национальные интересы ставятся выше глобальных. В-третьих, Вторая мировая война стала хрестоматийным историко-литературным явлением. Когда наступит 80-летний рубеж со дня её окончания, то уже окончательно уйдут от нас ветераны, и война останется в сознании социума в виде набора фактов и суждений из учебников.

Тем не менее, простимулированная призывом Синдзо Абэ трансформация сознания осуществилась лишь частично. Сознание общества консервативно и меняется крайне медленно.

Стрельцов Д.В.

Я хотел бы сказать, на мой взгляд, важную вещь, что эпоха Абэ – значимое событие в истории Японии. Она длилась восемь лет и восемь месяцев, но дело даже не в том, что она была длительной, потому что в Японии было несколько премьер-министров с длительными сроками правления, были и Эйсаку Сато, и Дзюнъитиро Коидзуми, и Ясухиро Накасонэ. Это не повседневный феномен, но в Японии бывает, что премьер-министр правит достаточно долго.

На мой взгляд, эпоха Абэ была значимой в контексте перехода Японии в новое качество развития. Мы все воспитывались на том, что Япония – страна активно развивающаяся, с высокими темпами роста, даже если рост не показывал высокие темпы, то трансформации стремительно происходят и в обществе, и в экономике, и в политике.

Вот на наших глазах Япония вошла в эпоху постиндустриального развития, стремительно постарела, экономика стала обретать совсем другое качество, чем это было 20, 30, 50 лет назад, и казалось, что Япония впала в спячку. Многие начали списывать Японию со счетов, и некоторые стали думать, что Япония уже не поднимется, что Японию можно колотить, и она не ответит. Даже американские президенты часто придавали Японии не самое высокое положение, в этом смысле в шкале американских приоритетов Япония уступала Китаю.

Но эпоха Абэ показала, что Япония может встрепенуться и дать ответы на многие вопросы, которые стоят перед всем человечеством и перед отдельными странами. Во внешней политике было показано, что эпоха Абэ привела к тому, что Япония резко усилила свои позиции и по-новому себя позиционировала. Многие не без оснований говорят, что Япония, несмотря ни на что, «возвращается», то есть становится крупной военной державой, крупной политической державой. За период правления Абэ улучшились её отношения со многими странами – не только с Россией, но и, например, с Китаем. Несмотря на все проблемы японо-китайских отношений, они развивались при Абэ позитивно и совершили качественный скачок. Что касается российско-японских отношений, где, казалось бы, Абэ ничего не достиг и отношения оказались в том же положении, в каком они были до Абэ, а сейчас стали ещё хуже, то если мы посмотрим на тот исторический след, которые оставили усилия Абэ, мы поймём, что в действительности эти отношения развивались очень динамично, их будут упоминать в учебниках истории как светлый период, как медовый месяц в наших отношениях. Во многом это заслуга лично Абэ.

Во внутренней политике стиль Абэ привнёс новые какие-то вещи, новые коннотации. Абэ действительно старался что-то сделать в отличие от многих японских премьеров, которые пытались просто адаптироваться к создающейся ситуации и действовали реактивно. Что-то происходит, они вынуждены на это отвечать, эта текучка их съедала. В противоположность этому, Абэ показал себя как сильный политик, который способен широко мыслить, выдвигать политические инициативы и новые программы, добиваться своих целей. Не все цели были достигнуты, но он пытался это сделать.

В экономике не всё было достигнуто, но во многом то, что было заложено усилиями Абэ – его курс абэномики – сейчас продолжает работать, и эта тенденция во многом определит будущее японской экономики на десятилетия вперед.

Несмотря на то, что Япония постарела, что там уже нет такого динамизма в социальном отношении, тем не менее она справляется со своими проблемами. Эти проблемы понемногу решаются, и я считаю, что Японию рано списывать со счетов. Она, наверное, ещё покажет себя в будущем.

Поступила в редакцию: 09.08.2022

Принята к публикации: 22.08.2022

Received: 9 August 2022

Accepted: 22 August 2022